Андрей РАНЧИН

Александр Пушкин: дворянин и поэт на государственной службе

19 мая 1817 года Александр Пушкин, сдававший выпускные экзамены в Царскосельском лицее, был произведен в коллежские секретари, а 13 июня вместе с еще несколькими выпускниками лицея – Александром Горчаковым, Вильгельмом Кюхельбекером и другими – был определен на службу в Коллегию иностранных дел. (Коллегия иностранных дел – дипломатическое ведомство, образованное в 1718 году, а с 1802 года ее функции постепенно начали переходить к новообразованному Министерству иностранных дел, упразднена коллегия была в 1832 году). В тот же день новоиспеченный чиновник по дипломатической части был на аудиенции у управляющего коллегией К.В. Нессельроде, а на следующий день был зачислен на службу. Такое назначение Пушкина не было случайным: Царскосельский лицей был учрежден именно для подготовки образованного чиновничества из дворян. В пункте 1 «Постановления о Лицее» говорилось: «Учреждение Лицея имеет целию образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной» [Томашевский, 1990, с. 13]. Пушкин принадлежал к родовитому дворянству, а дипломатическая деятельность в дворянской среде считалась самой престижной. Причисление выпускников определялось императорским указом, однако учитывались предпочтения недавних лицеистов. Сам выпускник склонялся к военной службе, традиционно ценившейся выше, чем статская. Но настояние родных заставило предпочесть службу гражданскую.

Чин, назначенный Пушкину императорским указом, был X класса, согласно Табели о рангах. Помимо поэта этот же чин был дарован еще семи воспитанникам лицея, в то время как девять товарищей Пушкина по выпуску получили чин титулярного советника – на один класс выше. Присвоение чинов определялось успехами в обучении, а у будущего «солнца русской поэзии» они были средними – не блистал он и по русскому языку. Чин был невелик – чины XI и XIII классов уже к концу XVIII века вышли из употребления, и в них не назначали. Получалось, что Пушкин фактически получил третий от конца Табели чин. Служебного рвения поэт за три года пребывания в Коллегии иностранных дел не проявил. Для сравнения – его однокашник А.М. Горчаков, в будущем канцлер и министр иностранных дел, за эти же три года ощутимо продвинулся по службе, несмотря на определенную антипатию своего начальника графа К.В. Нессельроде, получил назначение секретарем российского посольства в Лондоне, был пожалован придворным званием камер-юнкера.

Собственная служба, как и деятельность государственного аппарата вообще, не нашли в творчестве Пушкина никакого отражения. Отчасти это объясняется общими изменениями в культурном сознании эпохи. Для XVIII века, питавшегося идеей о просветительской и преобразующей миссии нового, «регулярного» государства, созданного Петром Великим, само это государство было священной ценностью, отсвет ко-

Андрей Ранчин, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М.В.Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет). E-mail: aranchin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается государственная служба Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837). Автор прослеживает непростые взаимоотношения Пушкина с государственной службой, как поэта и как потомственного дворянина, конфликт с графом М.С. Воронцовым, возникший на этой почве. Рассмотрена попытка поэта играть роль неофициального советника при императоре Николае I, а также его роль как придворного историографа. Поэт мыслится как человек, наделенный особым статусом, но этот статус для русского писателя соответствует его сословной принадлежности потомственного дворянина, достоинство поэта соотносится с его личной и родовой дворянской честью. Честь поэта или ученого, не потомственного дворянина, по мнению Пушкина, не несет урона, если он находит себе покровительство, но признать себя покровительствуемым недопустимо для дворянина из хорошего рода. Исключение – покровительство («ободрение») со стороны царя. Чин по Табели о рангах для Пушкина не имеет существенного значения. Пушкин ориентировался на такие отношения царя и монарха, какие сложились между придворным историографом Н.М. Карамзиным и Александром I. Рассматривается работа А.С. Пушкина над запиской «О народном воспитании» (1826 год), которая является одним из примеров его работы на государственной службе.

Ключевые слова: Александр Пушкин, государственная служба, самоидентификация, поэт и власть.

торой – несмотря на все сатирические инвективы в адрес «подьячих» – чиновников, нередко уличаемых во взяточничестве и неисполнительности, – падал и на структуру государственной службы, на аппарат [Живов, 2002]. Пушкин признавал и неоднократно воспевал заслуги Петра Великого как реформатора и полководца, хотя относился к творцу Российской империи неоднозначно. Однако сама система чинов и должностей не обладала для него, как и для большинства просвещенных людей его поколения, ни сакральным, ни каким-либо иным высоким смыслом. Он едва ли разделил бы мысль, выраженную уже после его смерти, в 1847 году, консерватором, министром народного просвещения графом С.С. Уваровым: «Россия любит в Табели о рангах торжественное выражение начала, славянским народам свойственного, – равенства перед законом, дорожит знамением мысли, что каждый в свою очередь может проложить себе путь к высшим достоинствам службы» [Шепелёв, 2004. С. 34].

3 мая 1820 года за написание и распространение стихотворений предосудительного политического характера Пушкин был сослан на юг – переведен под начало главного попечителя колонистов южного края России наместника Бессарабской области генерал-лейтенанта И.Н. Инзова. Местом службы стал город Кишинев, где Пушкин прожил с 20 сентября 1820-го до начала июля 1823 года. Новый начальник отнесся к Пушкину весьма снисходительно и почти по-отечески, одновременно как к молодому повесе и как к уже известному стихотворцу. Этому не помешали ни дуэль, которую спровоцировал Пушкин, ни стычка с неким офицером, хотя начальник оба раза и отправил провинившегося под арест. Ссыльный «жил у Ивана Никитича, был им ласкаем» и обыкновенно у него же обедал [Липранди, 1998. С. 522]. Как передает литератор и чиновник Ф.Ф. Вигель, «с первой минуты прибывшего совсем без денег молодого человека Инзов поместил у себя жительством, поил, кормил его, оказывал ласки, и так осталось до самой минуты последней их разлуки. <...> Его веселый, острый ум оживил, осветил пустынное уединение старца. С попечителем своим, более чем с начальником, сделался он смел и шутлив, никогда не дерзок; а тот готов был все ему простить. Была сорока, забавница целомудренного Инзова; Пушкин нашел средство выучить ее многим неблагопристойным словам, и несчастная тотчас осуждена была на заточение; но и тут старик не умел серьезно рассердиться. Иногда же, когда дитя его распроказничается, то более для предупреждения неприятных последствий, чем для наказания, сажал он его под арест, то есть несколько дней не выпускал его из комнаты» [Вигель, 1998. С. 217].

В мае 1823 года И.Н. Инзов был освобожден от исполнения обязанностей полномочного наместника Бессарабской области, новороссийским генерал-губернатором и одновременно полномочным наместником Бессарабской области был назначен граф М.С. Воронцов. Перед Пушкиным встала дилемма: оставаться по-прежнему под началом И.Н. Инзова или перейти к М.С. Воронцову. Друзья советовали служить у М.С. Воронцова, человека высокообразованного, мецената и ценителя искусства. К тому же воронцовская канцелярия располагалась не в захудалом по тем временам и изрядно наскучившем ссыльному поэту Кишиневе, а в Одессе – городе, обладавшем всеми основными приметами европейской цивилизации и культуры. Пушкин предпочел Воронцова и Одессу. Благодаря хлопотам друзей, прежде всего А.И. Тургенева, К.В. Нессельроде, в ведомстве которого продолжал числиться ссыльный, назначил Пушкину служить у Воронцова. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, Инзов был очень расстроен отъездом Пушкина, решившего служить при Воронцове: «Зачем он меня оставил? – говорил мне Инзов, – ведь он послан был не к генерал-губернатору, а к попечителю колоний; никакого другого повеления об нем с тех пор не было; я бы мог, но не хотел ему препятствовать. Конечно, в Кишиневе иногда бывало ему скучно; но разве я мешал его отлучкам, его путешествиям на Кавказ, в Крым, в Киев, продолжавшимся несколько месяцев, иногда более полугода? Разве отсюда не мог он ездить в Одессу, когда бы захотел, и жить в ней, сколько угодно? А с Воронцовым, право, несдобровать ему» [Вигель, 1998. С. 217].

Слова прежнего пушкинского начальника оказались пророческими, хотя сам поэт первоначально отнесся к начальнику новому с симпатией: 25 августа 1823 года он писал брату: «Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу – я оставил мою Молдавию и явился в Европу – ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе – кажется и хорошо – да новая печаль мне сжала грудь – мне стало жаль моих покинутых цепей». Служба сама по себе воспринималась Пушкиным, остро ощущавшим любую зависимость, как дело вынужденное и обременительное. Он обязан служить, потому что таковы условия ссылки, и он вынужден служить, потому что нуждается в деньгах: «служу и не по своей воле – и в отставку идти невозможно» [Пушкин, 1977–1979. Т. 10. С. 53].

Отношения с Воронцовым вскоре испортились. У Пушкина начался роман с его супругой графиней Елизаветой Ксаверьевной. Однако то была не единственная причина: «В основе их конфликта была не

только ревность; Пушкин, до сих пор не обремененный службой, впервые почувствовал себя в положении мелкого чиновника, что никак не мирилось с его личным самосознанием» [Сурат, Бочаров, 2002. С. 40]. Сущность конфликта точно определил Ю.М. Лотман: «Любовь к Воронцовой переплелась с переживаниями совершенно другого плана <...>. Ревность Воронцова только придала этому конфликту окраску, корни же его лежали в другом. <...> Через всю жизнь Пушкина проходит одно неизменное чувство – чувство собственного достоинства. Оно лежит в основе общественных идеалов, ибо без веры человека в свою ценность нет свободы – ни общей, ни частной, оно составляет фундамент жизненной позиции. <...> Именно на этой почве, в борьбе за достоинство личности, и было неизбежно столкновение Пушкина и Воронцова» [Лотман, 1995. С. 93]».

Воронцов в свой черед настоятельно добивался перевода Пушкина [Лернер, 1913. С. 68]; [Модзалевский, 1929. С. 83–84]; [Альтшуллер, 2009. С. 345–357].

Скандал разразился, когда в мае 1824 года Воронцов предписал коллежскому секретарю Пушкину отправиться в командировку для сбора сведений о саранче, появившейся в южнорусских степях. Пушкин написал два черновых письма А.И. Казначееву – правителю канцелярии, потребовав отставки и отклонив дружбу и покровительство Воронцова, о которых говорил адресат: «Семь лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. <...> Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель. Ради бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость. <...> Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить. Вы знаете, что только в Москве или Петербурге можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 верст от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паёк ссылочного невольника. <...> Повторяю здесь то, что уже известно графу Михаилу Семеновичу: если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме его сиятельства; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы и от всякой надежды на дальнейшие успехи в оной» [Пушкин, 1977–1979. Т. 10. С. 70–71]. По поводу покровительства со стороны графа Воронцова Пушкин заметил: «По-моему, ничто так не бесчестит, как покровительство <...> Я устал быть в зависимости от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину, явившемуся щеголять среди нас своей тупостью и своей тарабарщиной. Единственное, чего я жажду, это – независимости (слово неважное, да сама вещь хороша); с помощью мужества и упорства я, в конце концов, добьюсь ее» [Пушкин, 1977–1979. Т. 10. С.598–599].

С формальной точки зрения упрекнуть Воронцова как начальника, конечно, не в чем. Сохранившиеся документы свидетельствуют, «во-первых, что, предписывая Пушкину отправиться в командировку, граф Воронцов давал ему одно из самых больших поручений, требовавшее от поэта большой затраты времени – около месяца; во-вторых, что эта служебная поездка была довольно щедро оплачена» [Сербский, 1936. С. 284]. Но Пушкин ожидал и требовал к себе особого отношения – не по должности и не по чину, и эти ожидания основывались на его славе как поэта. Кроме того, свою ссылку он считал несправедливой, себя – без вины наказанным и – как свидетельствует процитированное письмо А.И. Казначееву – сильно потерявшим в гонорарах из-за вынужденного отъезда из Петербурга. Пушкин маркировал служебными обязанностями в том числе и в отместку за совершенную с ним несправедливость. И с Воронцовым он решил разделаться своим главным оружием — стихами, написав на него две резкие эпиграммы: «Полу-милорд, полу-купец...» и «Певец-Давид был ростом мал...».

Тем не менее, 23 мая он был вынужден отправиться в командировку «на саранчу» в Херсон, находившийся в 180 верстах от Одессы. 28 мая, фактически не исполнив поручения, он вернулся в Одессу. Согласно воспоминаниям Н.М. Лонгинова, сохраненным его племянником М.Н. Лонгиновым, разговор с начальником «был самый лаконический; Пушкин отвечал на вопросы графа только повторением последних слов его; например: «Ты сам саранчу видел?» – «Видел». – «Что ж, ее много?» – «Много» и т. п.» [Лонгинов, 1998. С. 372]. Существует также свидетельство, что в качестве отчета Пушкин отдал стихи «Саранча летела, летела и села; сидела, сидела, все съела, и вновь улетела», однако достоверность этих строк спорна [Сербский, 1936. С. 289].

Пушкин, попросивший об отставке, объяснял свои отношения с Воронцовым в письме А.И. Тургеневу от 14 июля 1824 года: «Он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов – вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. <...> Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой» [Пушкин, 1977–1979. Т. 10. С. 77]. Служебной деятельности здесь очевидным образом противопоставлена деятельность поэта: одна и другая мыслятся как взаимоисключающие. В позднейшем письме А.А. Бестужеву (конец мая – начало июня 1825 года)

Пушкин четко выразил свою программу отношений с властью и ее представителями. Он выступил за своеобразный союз между верховной властью и писателями, за ободрение писателей царями: «Век Екатерины – век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин, кажется, ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также. Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг; посмотрим, когда появится его Гомер. Из неободренных вижу только себя да Баратынского – и не говорю: слава богу!». Вместе с тем он подчеркнул, что такие отношения не наносят урон независимости поэтов, приведя в пример комплиментарные, но не унижающие авторов стихи Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, обращенные к царям, – в то время как для европейской традиции характерно унижение писателя перед властелином: «Иностранцы нам изумляются – они отдают нам полную справедливость – не понимая, как это сделалось. Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества – аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, – дьявольская разница!» [Пушкин, 1977–1979. Т. 10. С. 114–115].

Таким образом, поэт мыслится как человек, наделенный особым статусом, но этот статус для русского писателя соответствует его сословной принадлежности потомственного дворянина, достоинство поэта соотносится с его личной и родовой дворянской честью. Честь поэта или ученого – не потомственного дворянина, по мнению Пушкина, не несет урона, если он находит себе покровительство, но признать себя покровительствуемым недопустимо для дворянина из хорошего рода. Исключение – покровительство («ободрение») со стороны царя. Чин по Табели о рангах для Пушкина не имеет существенного значения. Эти мысли нашли отражение и в посмертно опубликованной статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1834): «Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем. <...> Ныне всё это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову <...>, который вздумал было над ним пошутить. «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господа моего бога дураком быть не хочу» [Пушкин, 1977–1979. Т. 7. С. 196].

Себя же Пушкин воспринимал неизменно не только как поэта, но и как шестисотлетнего дворянина, противопоставляя себя и свой род новой знати, возвысившейся благодаря покровительству царей в петровское и послепетровское время, и зависимой от престола:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин...
<...>
Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

(«Моя родословная», 1830 [Пушкин, 1977–1979. Т. 3. С. 197–198])

В первых строках стихотворения перечислены фавориты «из низов», возвышенные благодаря монаршей милости: А.Д. Меншиков, П.П. Кутайсов, А.Г. Разумовский, А.А. Безбородко и другие.

1 августа 1824 года Пушкину было предписано покинуть Одессу и удалиться для проживания в родовое поместье Михайловское. На решение, принятое императором Александром I, повлияли не только донесения М.С. Воронцова, имевшие во многом характер политических доносов, но и перлюстрированное письмо, в котором Пушкин выражал приверженность атеизму. Из Михайловского ссыльный был возвращен Николаем I. 8 сентября 1826 года в московском кремле состоялась его беседа с новым императором. Поэт, прежде открыто выражавший солидарность со своими друзьями, причастными к восстанию 14 декабря, ожидал для себя худшего. Перед аудиенцией он положил лист с текстом ранней редакции стихотворения «Пророк», в котором Бог призывал пророка «с вервием на вые» (его прототипом был казненный поэт и декабрист К.Ф. Рылеев) обличить «царя-губителя» (см. об этом тексте: [Ивинский, 2013. С. 250–258]). Вместо этого Пушкин получил освобождение от ссылки, новый царь призвал его к участию в делах государства, поручив составить записку «О народном воспитании» (1826). Пушкин воспринял свое новое положение как роль «советника царя, способного влиять на власть» [Сурат, Бочаров, 2007. С. 198]. Эта роль не была для Пушкина неожиданной: и прежде в своих стихах он был певцом не только свободы, но и империи, причем эти два начала органично сочетались и в его творчестве, и в его мировоззрении [Федотов, 1990].

В составленной им записке Пушкин обосновывал такие идеи, как необходимость развития государственного образования, которое должно превалировать над образованием частным, и создание условий для распространения просвещения в дворянской среде. Критике была подвергнута система чинов: «Чины сделались страстию русского народа. <...> В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30 лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние. <...> Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою. Можно, по крайней мере, извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целию и достоянием просвещения; должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удержать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ» [Пушкин, 1977–1979. Т. 7. С. 31–32]. Автор записки предлагал обстоятельно преподавать будущим офицерам и гражданским служащим историю России, взращивая в них любовь к Отечеству и гордость своей страной. Юные дворяне, собирающиеся стать военными и чиновниками, должны были, доказывал Пушкин, познакомиться с самыми разными политическими идеями, включая республиканские, – чтобы позднее эти идеи не получили для них опасную «прелесть новизны» [Пушкин, 1977–1979. Т. 7. С. 34].

Однако идеи, выраженные в записке «О народном образовании», не имели последствий, и «милость падшим» не была оказана. Николай I ценил и понимал прежде всего четких и неукоснительных исполнителей, старательных администраторов, а не тех, кто предлагал планы глубоких изменений. При этом он, как и последующие российские императоры, сам был сторонником отмены системы гражданских чинов, но не решился это сделать [Шепелёв, 2004. С. 32–33, с. 174–196].

В ноябре 1831 года Пушкин, испытывавший после женитьбы недостаток в средствах, решил вновь поступить на государственную службу. Николай I не любил перемен в делах службы, и 14 ноября поэт и коллежский секретарь был вновь зачислен в Коллегию иностранных дел, но теперь уже с экстраординарным жалованием 5000 рублей в год. 3 декабря граф К.В. Нессельроде подал рапорт государю о производстве Пушкина в титулярные советники – следующий чин по Табели о рангах [Гастфрейнд, 1900. С. 23, 25]. Рапорт был удовлетворен. На Пушкина была возложена обязанность историографа. Он написал и издал книгу «История Пугачева» (издана под названием «История пугачевского бунта», 1834), начал работу над «Историей Петра». Альянс с властью не исключал трений и обид со стороны поэта. Но он исходил из суждения, высказанного в черновом письме П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года: «<...> правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания» [Пушкин, 1977–1979. Т. 10. С. 701]. Поэт получил желанное «ободрение», его роль отчасти напоминала положение Н.М. Карамзина – историографа при Александре I, что наглядно иллюстрирует полезность большего, чем прежде соответствия склонностей и творческих стремлений поэта должностным обязанностям. Однако политического влияния на императора Пушкин всё же не приобрел.

Литература

Альтшуллер М.Г. Еще раз о ссоре Пушкина с Воронцовым // Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. Вып. 5 (44). СПб.: Нестор-История, 2009.

Вигель Ф.Ф. Из «Записок» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. Т. 1. СПб.: Академический проект.

Гастфрейнд Н.А. Пушкин: Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831–1837 гг. СПб.: Типография А. Бенке, 1900.

Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Ивинский Д.П. «Всего должно быть четыре стихотворения»: к истории ранней редакции стихотворения А.С. Пушкина «Пророк». М.: Издательство РГГУ, 2013.

Лернер Н.О. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 16. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1913.

Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. Т. 1. СПб.: Академический проект, 1998.

Лонгинов М.Н. Пушкин в Одессе (1824) // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. Т. 1. СПб.: Академический проект, 1998.

Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995.

Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л.: Прибой, 1929.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 тт. 4-е изд. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977–1979.

Сербский Г.П. Дело о «саранче» (Из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936.

Сурат И.З., Бочаров С.Г. Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Сурат И.З., Бочаров С.Г. Пушкин Александр Сергеевич // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2007.

Томашевский Б.В. Пушкин. Т. 1. Лицей, Петербург. Изд. 2-е. М.: Художественная литература, 1990.

Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX вв. М.: Книга, 1990.

Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

ALEXANDER PUSHKIN: NOBLEMAN AND POET IN THE PUBLIC SERVICE

Andrew Ranchin, Ph.D., Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University (1st Building Humanities Department, Arts Faculty, Lenin Hills, GSP, Moscow, 119991). E-mail: aranchin@mail.ru.

Summary: The article examines the public service of Alexander Pushkin (1799-1837). The author considers the uneasy relationship between Pushkin and the public service, in his role as poet and as a hereditary nobleman and the conflict with Count, M.S. Vorontsov, arising on the basis of such relationship. The author delves as to the role of the poet as an informal adviser to Emperor Nicholas I, as well as his role as a court historian. The poet was thought of as a man endowed with a special status, but did such status for the Russian writer correspond with his social status of hereditary nobleman, and of the poet's dignity corresponding with his personal honor and noble identity. The honor of the poet or the scholar, not of the hereditary nobleman, according to Pushkin, shall not be damaged if it is found within the auspices of patronage, but he acknowledges himself that such patronage as unacceptable for a nobleman emanating from a noble family. By way of exception is the - patronage of ("encouragement") by the Tzar. The ranking of nobility for Pushkin in this instance is not significant. Pushkin was guided by such relationships as between the Tzar and monarch which had developed with the courtier historian N.M, Karamzim and Alexander I. Consideration is given by the author herein of the work of A.S. Pushkin in his discourse "On the national education" (1826), which is one of the examples of his work in the public service.

Keywords: Alexander Pushkin, public service, self-identity, the power of the poet.

References

Al'tshuller M. Eshhe raz o ssore Pushkina s Voroncovym, Pushkin i ego sovremenniki. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 5 (44) [Once again, about the quarrel of Pushkin with Vorontsov / / Pushkin and his contemporaries. Collection of scientific papers. MY. 5 (44)]. SPb.: Nestor-Istorija, 2009.

Fedotov G. Pevec imperii i svobody. Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: Konec XIX – pervaja polovina HH vv. [_____] M.: Kniga, 1990.

Gastfrejnd N. Pushkin: Dokumenty Gosudarstvennogo i S.-Peterburgskogo Glavnogo arhivov ministerstva inostrannyh del, otnosjashhiesja k sluzhbe ego 1831–1837 gg. [Pushkin: Documents of the State and the main archives of the Ministry of Foreign Affairs at St. Petersburg relating to his service between 1831-1837 gg.] SPb.: Tipografija A. Benke, 1900.

Ivinskij D. «Vsego dolzhno byt' chetyre stihotvorenija»: k istorii rannej redakcii stihotvorenija A. Pushkina «Prorok» ["It should be just four poems": the history of the early edition of the poems of A.S. Pushkin "The Prophet."]. M.: Izdatel'stvo RGGU, 2013.

Lerner N. Zametki o Pushkine, Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovanija. Vyp. 16 [Notes on Pushkin / / Pushkin and his contemporaries: Materials and Research. MY. 16]. SPb.: Tipografija imperatorskoj Akademii nauk, 1913.

Liprandi I. Iz dnevnika i vospominanij, Pushkin v vospominanijah sovremennikov: V 2 t. 3-e izd., dop. T. 1[From the diary and recollections / / Pushkin in the memoirs of contemporaries: In 2 volumes, 3rd ed., Ext. T. 1]. SPb.: Akademicheskij proekt, 1998.

Longinov M. Pushkin v Odesse (1824), Pushkin v vospominanijah sovremennikov. 3-e izd., dop. T. 1[Pushkin in Odessa (1824) / / Pushkin in the memoirs of contemporaries. 3rd ed., Ext. T. 1]. SPb.: Akademicheskij proekt, 1998.

Lotman Ju. Aleksandr Pushkin: Biografija pisatelja, Lotman Ju. Pushkin: Biografija pisatelja; Stat'i i zametki, 1960–1990; «Evgenij Onegin»: Kommentarij [Alexander Pushkin: A Biography of the writer / / Lotman, YM Pushkin: A Biography of the writer; Articles and notes, 1960-1990; "Eugene Onegin": Commentary]. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1995.

Modzalevskij B.L. Pushkin. L.: Priboj, 1929.

Pushkin A. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 tt. 4-e izd [Pushkin's Complete Works in 10 vols. 4th ed]. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1977–1979.

Serbskij G. Delo o «saranche» (Iz razyskanij v oblasti odesskogo perioda biografii Pushkina), Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. Vyp. 2. M [Case on "the locusts" (From researches in the area of Odessa during the period of Pushkin's biography) / / Pushkin: Annals Pushkin Commission. MY. 2. M].; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936.

Shepeljov L. Tituly, mundiry i ordena Rossijskoj imperii[Titles, uniforms and medals of honour of the Russian Empire]. M.: ZAO Centrpoligraf, 2004.

Surat I., Bocharov S. Pushkin: Kratkij ocherk zhizni i tvorchestva[Pushkin: A brief outline of his life and creativity]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002.

Surat I., Bocharov S. Pushkin Aleksandr, Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskij slovar'. T. 5[Alexander Pushkin / / Russian writers: 1800-1917. Biographical Dictionary. T. 5]. M.: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija», 2007.

Tomashevskij B. Pushkin. T. 1. Licej, Peterburg. Izd. 2-e[Pushkin. T. 1. The lyceum, St. Petersburg. Ed. 2nd]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990.

Vigel' F. Iz «Zapisok», Pushkin v vospominanijah sovremennikov: V 2 tt. 3-e izd., dop. T. 1[Of the "Notes" / / Pushkin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols. 3rd ed., Ext. T. 1]. SPb.: Akademicheskij proekt.

Zhivov V. Gosudarstvennyj mif v jepohu Prosveshhenija i ego razrushenie v Rossii konca XVIII veka, Zhivov V. Razyskanija v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury[A State myth in the Enlightenment and its destruction in Russia in the late XVIII century / / Zhivov V.M. Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002.